

борьбе, отдельные рабочие, пожалуй, крепче и цельнее, но большинство, как правило, менее устойчивы, легче злоупотребляют властью. И вообще Корсаков боится опьянения властью, безнаказанности и неподготовленности.

Не обошел писатель и тип, который внушает подлинный страх и отвращение. Это губернский комиссар по продовольствию Колесников. По его приказам расстреливают крестьян за невыполнение продразверстки. Властью он хочет пользоваться как неограниченный диктатор, пренебрегая интересами и судьбами людей. Из интеллигенции ему нужны только офицеры – боевики и инженеры американского типа. А вот свои нужды он не ограничивает.

Роман «В тупике» написан писателем, тяжело переживавшим кровавую классовую борьбу. Как и его герои, он не принимал в ней участия, но как только наступали периоды относительного спокойствия, Вересаев приступал к работе в советских культурных учреждениях, а главное, продолжал писать. Он сделал свой выбор и до последнего дня, несмотря на трудности, выпавшие на его долю, был верен ему.

¹ Вересаев В. В. В тупике. Л., 1989. С. 51. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи.

Э. В. ЧУМАКЕВИЧ

ВАЛААМ В ЖИЗНИ И. С. ШМЕЛЕВА (творческая история очерка «Старый Валаам»)

Произведения замечательного русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева наконец возвращаются на родину.

Семи лет от роду И. С. Шмелев остался без отца, а чуть позже умер и плотник Горкин – духовный наставник и воспитатель мальчика. С тех пор практически некому было посоветовать, научить, наставить, разрешить его сомнения.

Воспитанный в религиозной семье, где выше всего почитались честность и труд, И. С. Шмелев, окончив гимназию, в 1894 году стал студентом Московского университета. Он много читал. В юношеские годы И. С. Шмелев познакомился с идеями рационализма шестидесятников, атеистическими взглядами Белинского, Чернышевского, Добролюбова, с учением Л. Н. Толстого.

Осенью 1895 года, женившись, двадцатилетний студент решает посетить Валаамский Преображенский монастырь. Такой выбор, вероятно, был обусловлен желанием разобраться, определить, насколько правы атеисты в вопросах религии.

Создав семью, вступая в новый этап жизни, И. С. Шмелев не мог без внутреннего перелома принять идеи отрицания Бога. Будущий писатель интуитивно чувствовал в рационализме, научно-техническом прогрессе определенную опасность. Сбитый с толку учением атеистов, молодой Шмелев пытался понять, чем же заполнится душа человеческая, если действительно рационализм вытеснит Бога.

Приближаясь вместе с другими паломниками, ехавшими «по святому делу», к Валааму, он внутренне «спрашивал себя – а я по какому делу? И – не знаю»¹.

Вдвоем с юной женой они провели несколько дней на Валааме, где Шмелев, по его словам, нашел успокоение и ответы на мучившие его вопросы.

Творческим итогом этой поездки стала книга – художественный очерк – «На скалах Валаама», изданная в 1897 г. Она и стала началом писательской деятельности И. С. Шмелева (до этого у него был опубликован рассказ «У мельницы», 1885 г).

Жанр художественного очерка был очень распространен в литературе того времени. И. С. Шмелев, не отклоняясь от его законов, рассказывает о встречах, беседах с жителями Валаама, участниками путешествия. Очерк молодого писателя «На скалах Валаама» явился отражением внутренних поисков жизненной точки опоры.

В рассказе «Моя первая книга», написанном уже в эмиграции, Шмелев подробно описывает печальную судьбу очерка «На скалах Валаама»: цензура

изъяла более 30 страниц текста. В таком виде книга выглядела жалко, не раскупалась. Остатки тиража он был вынужден продать букинисту за гроши. Один экземпляр писатель послал на Валаам тогдашнему настоятелю монастыря игумену отцу Гавриилу, остальные – затерялись. Шмелев тяжело переживал неудачу с книгой, десять лет после этого ничего не писал.

В статье «Иван Шмелев – известный и скрытый» исследователь Е. Осьминина рассказывает, что побывавший на Валааме в 1935 г. писатель Б. Зайцев привез Шмелеву в Париж экземпляр его первой книги «На скалах Валаама»². Сотрудничавший тогда в газете «Православная Русь», Шмелев переделал свое юношеское произведение, и читатель получил «Старый Валаам» – плод работы зрелого мастера. Произошло воскресение книги. Писатель через сорок лет погружается в атмосферу радости вновь обретенной веры.

Время пребывания на Валааме оказалось для будущего писателя полным сначала удивления, а потом восхищения и преклонения перед жизнью монахов, перед их трудом. Уклад жизни, порядки, царившие на острове, поражали и его, и всех богомольцев. Уже на пароходе, приближавшемся по бурной Ладоге к Валааму, намечается перелом в душе автора, появляется уважительное отношение к верующим: «Я вижу слезы, блистающие глаза, н о в ы е лица, просветленные. Стискивает в груди восторгом... Такого не испытывалось ни от Штирнеров, ни от Спенсеров, ни от Штраусов, ни от Шекспира даже. Я чувствую – м о й народ. И какой же светлый народ, какой же добрый и благостный» (с. 80).

Шмелев подробно и точно описывает быт монахов, ухоженные сады и цветники, чистые кельи, чудо-водопровод, их уважительное отношение к людям без различия чинов и званий: перед Богом все равны.

Переработанное произведение обрело облик не просто очерка, а очерка-воспоминания. Восторженные впечатления И. С. Шмелева-студента перемежаются иногда с грустными, иногда с полными надежды на возрождение глубокими и провидческими размышлениями зрелого писателя: «Сколько же лет прошло с той валаамской ночи? Со-рок лет! ...Думалось ли тогда ч т о будет?!» (С. 84).

Валаам прошел через всю жизнь Шмелева. Он заставил его понять то, что вера в нем никогда не умирала, что здесь он почувствовал почву под ногами: «И этот забытый мир, отошедший куда-то с детством, – пришел, ж и в о й» (С. 81).

В «Старом Валааме», как и во всех своих последующих произведениях, И. С. Шмелев предельно искренен и честен. Это – основа его творчества. В этом – бессмертие и ценность его произведений.

С монастырями связано много удивительного в жизни И. С. Шмелева. Святой старец Варнава благословил в Троице-Сергиевой лавре юного студента «на путь», на Валаам. Более того, предрек ему: «...превознесешься своим талантом». И умер Шмелев в монастыре, в обители Покрова Пресвятой Богородицы под Парижем, причем в день памяти св. апостолов Варфоломея и Варнавы – 24 июня 1950 г.

Эти совпадения, по-видимому, не случайны, как не случайно высказанное в книге «Старый Валаам» беспокойство о судьбе монастыря, веры и подвижничества. И. С. Шмелев не ошибся. В 1939 г. во время советско-финской войны остров Валаам был подвергнут сильным бомбардировкам (он занимал стратегическое положение). Монахи по льду ушли в Финляндию, монастырь с тех пор перестал существовать. Ныне в Финляндии существует небольшая обитель, в ней 12 послушников – все финны.

Наше время – время восстановления поруганных святынь. Восстановлен и действует Преображенский монастырь на Валааме. Но воссияет ли он, как старый Валаам?

Прекрасны вселяющие надежду строки светлого душой, замечательного русского писателя И. С. Шмелева: «Пожил я – и узнал, многое узнал. И как бы хотел теперь, через десятки лет с того августовского утра, найти крепко на подвиге стоящего, отрешившегося от всего земного, – благословиться. Где Россия, творившая светлых с т а р ц е в, духовников народных? Есть ли они теперь на новом Валааме? Сердце мне говорит, что есть, в необъятных родных просторах, неярные, может быть, прорастающие только в великом народе нашем. Придет время – и расцветут редкостные цветы духовные: Господний Посев не истребится... Многое мне открылось, великое.

И еще, важное. Закрыты человеческие судьбы; в явлениях жизни, случайных и незначительных, таятся порой великие содержания: будь осторожен в оценках; в трудную пору испытаний не падай духом, верь в душу человека: Господний она сосуд» (С. 91, 98).

¹ Шмелев И. С. Старый Валаам // Москва. 1990. № 9. С. 79. Страницы других цитат из романа указаны в тексте статьи.

² См.: Осминина Е. // Москва. 1991. № 4.

П. П. ЛАВРЕНОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В РАССКАЗЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «МАТРЁНИН ДВОР»

А. И. Солженицына в западной литературе называют «обличителем зла XX века». Но это для него не самоцель. Для писателя важно потеснить несправедливость во имя добра. Выполнить эту благородную миссию призваны его персонажи: Иван Денисович из «Одного дня...», Глеб Нержин из романа «В круге первом», Саня Лаженицын из военно-исторической эпопеи «Красное колесо»...

К одним из самых светлых образов относится обычная крестьянка из деревни Тальново, по имени которой назван рассказ «Матрёнин двор».

Жизнь Матрёны как «Житие» наполнена «сокровенным смыслом», и писатель поставил себе цель разгадать его. Внешне ничем не примечательная, больная, живущая «в запущии», «одинокая женщина лет шестидесяти», раскрывается неповторимыми гранями души, воспетыми еще древне-русской литературой. Все события, разворачивающиеся в повести, в основном связаны с домом Матрёны. Внешний мир едва обозначен. Старый дом с неприятельской природой близки повествователю: «Милей этого места мне не приглянулось во всей деревне; две-три ивы, избушка перекосяченная... Но я уже видел, что жребий мой был – поселиться в этой темноватой избе с тусклым зеркалом, в которое совсем нельзя было смотреться, с двумя яркими рублевыми плакатами...»¹ Сдержанностью описания, проникнутого грустным лиризмом, писатель как бы «запрограммировал», а точнее, предугадал, расшифровал трагический исход. Помещая описание дома вслед за описанием природы, автор подчеркивает их тесную связь. Жизнь Матрёны и природа как бы откликаются на несчастья и болезни друг друга. Природа производит впечатление больной, уставшей, тихо умирающей: «высыхающая речушка», «две-три ивы». И сама Матрёна производит тягостное впечатление: «Когда я вошел в избу, она лежала на русской печи, тут же, у входа, накрытая неопределенным темным тряпьем... В остатке света и к тому же за трубой кругловатое лицо хозяйки показалось мне желтым, больным. И по глазам ее замутненным можно было видеть, что болезнь измотала ее». И дом Матрёны: «... не низкий – восемнадцать венцов. Однако изгнивала щепя, посерели от старости бревна сруба и ворота, когда-то могучие, и проредилась их обвершка» (С. 115). Так писатель выстраивает логический ряд: природа – дом – хозяйка, подчеркивая их единство и взаимозависимость. Нет привольной природы, ощущения широкого простора, поэтому и приходит в ветхость дом, оказывая физическое давление на свою обитательницу. Академик Лихачев Д. С. пишет: «Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека»². В жизни Матрёны «воля и простор» отсутствуют, но тем ценнее и значительнее качества ее души.

На первый взгляд, уклад жизни Матрёны донельзя бестолков: «Просторная изба и особенно лучшая приоконная ее часть была уставлена по табуреткам и лавкам – горшками и кадками с фикусами» (там же). Колченогая кошка и грязно-белая коза, огород, дающий скудный урожай, – вот и все хозяйство, убогое и примитивное. Но эта неприхотливость в быту делает Матрёну свободной от зависти, жадности, дает ощущение внутренней свободы. Кредо жизни таких людей, ищущих смысл не в достатке, емко сформулировал еще В. В. Розанов: «Не слушайте, люди, чужих сказок. Любите свою сказку. Сказку своей жизни. Жизнь каждого есть сказка, только один раз рассказанная в мире»³. По мнению философа, каждый